

Владимир
ПАХОМОВ
США

МИСТИКА ТУНДРЫ

«...пора чудес прошла, и нам
Подыскивать приходится причины
Всему, что совершается на свете».

В.Шекспир

Мои любезные конфиденты – позвольте мне называть вас так, определяя это давно забытое обращение как сообщество людей, которым можно доверить секреты и тайны, делая невольно их сопричастными согласно проявленной высшей степени доверия.

Мистика тундры – это повествование, состоящее из коротких рассказов, жанр которых достаточно трудно определить.

Скорее всего, по стилю – это документальная проза, попытка напомнить вам о нашем ничтожно малом уровне познания природных явлений как основы Мистики Тундры – её тайн, недоступных во многом нашему пониманию.

Сама Тундра представляется мне мистическим, неразрывно связанным сообществом снегов и льдов, соединением вершин гор и восходов, хребтов и равнин с водами озёр и рек.

Мистика Тундры – это долгая полярная ночь, которая опускается чёрным занавесом, усыпанным серебряными звёздами, погружая во мрак все живое, словно по мановению царственной

длани Князя Тьмы, который, кажется, напоминает о себе пугающе-завораживающими, зловеще-ледяными сполохами северного сияния. Это восход солнца с приходом полярного дня как утверждение вечной, как сама Тундра, борьбы Света и Тьмы.

Но мы немного увлеклись, мои конфиденты, да?
Итак.

Никогда не ищите это место!

Один из основополагающих постулатов многих религий гласит, что у каждого человека есть только одно место на Земле, где он может быть абсолютно счастлив, обретая полную гармонию с самим собой и **окружающим миром**.

Косвенным подтверждением этому (отнюдь не доказательством) могут служить сны, в которых, я уверен, вы видели места, где никогда не были. Или, путешествуя по незнакомым вам странам и городам, вы вдруг ловили себя на мысли, что вы уже здесь были или видели это.

Это может быть как раз тем самым местом, но вы, к несчастью (а может, к счастью?), его не узнали, постаравшись найти этому логическое или научное объяснение.

* * *

Как-то, работая на Центральной Колыме, вечером мы заехали на спрятанное от лишних глаз крайне живописное небольшое озеро, на противоположном берегу которого виднелась небольшая избушка с мерцающим огоньком.

Это была самая необычная избушка, которую мне, много повидавшему, пришлось встретить. Стены её и крыша были похожи на разноцветное лоскутное одеяло из-за обилия заплат из различных материалов и цветов.

Мы подъехали к лачуге...

Навстречу вышел высокий, слегка сгорбленный человек, на вид лет 60, в невообразимых, но на удивление чистых лохмотьях, с копной вьющихся крупными завитками совершенно седых волос, сопровождаемый десятком разномастных кошек, которые с голодным мяуканьем устремились к нам.

– Ростислав Аристархович, – с полупоклоном представился он, поправив очки. – Извините, в дом не приглашаю. Знаете ли, киски у меня там... Но могу предложить копчёную рыбу и напоить чаем – у меня травяной, очень рекомендую.

Он захлопотал возле костерка, а мы отметили про себя, что чайник и кружки были тщательно вычищены, а рыба лежала на застиранной, чистой тряпице.

Стемнело.

Костёр нередко является местом откровений для малознакомых, а порой и вовсе не знакомых людей. У костра открывают то, что очень тяжело, а иногда невозможно доверить даже самым близким людям. Не стал исключением и этот, надолго запомнившийся мне вечер. Мы услышали удивительную историю, которую я передам вам в небольшом сокращении, опустив малозначимые подробности.

Обитатель избушки был доктором медицинских наук, после многих-многих лет работы в ведущей клинике Москвы перешедший на преподавательскую деятельность в мединститут. Имел роскошную квартиру, престижный автомобиль, красавицу жену, подающего большие надежды сына-хирурга и широкий круг знакомств. И вдруг ему с завидным постоянством стал сниться один и тот же сон – северный пейзаж, озеро, невзрачная избушка.

Он стал плохо спать, невнимательно готовиться к лекциям, бросился к врачам, психиатрам, гипнотизёрам, гадалкам – всё было напрасно!

Наконец после двух лет мучений он решил отыскать это место. Он не рассказал, чего ему это стоило и сколько времени ушло на это. Но можете себе представить – он его нашёл!

Едва ступив на берег озера, куда его довёз на

раздолбанной машине местный охотник, и завидев избушку, он вдруг ощутил необычайную легкость и ясность мыслей и понял, что не давало ему покоя эти годы.

В Москву он не вернулся, и, по его словам, в течение 16 лет, которые он прожил в избушке, каждый день был для него наполненным светом и счастьем.

Он давно ушёл спать, водитель храпел в машине, а я всё сидел у костра под впечатлением услышанного.

И вдруг с пронзительной ясностью я вспомнил один случай, произошедший со мной на Чукотке.

Случилось это в 1985 году.

Я ехал на вездеходе на Срединные озёра с инспекцией геохимического отряда давно изученным путём, по обыкновению, задремал и проснулся от остановки вездехода на галечниковой террасе в устье реки Ледяная.

– Анатольевич, давай через Ледяную поедём – никогда не ездили, – предложил вездеходчик.

Я легко согласился.

Когда мы проехали километров десять, я почувствовал легкую тревогу. Нет, даже не тревогу, а какое-то внутреннее беспокойство. Через минуту я понял его причину – я точно знал, даже не знал, а с фотографической чёрно-белой точностью видел, что за поворотом откроется аспидно-чёрный высокий сланцевый откос, под которым стоят ржавые тракторные сани с пятью ржавыми бочками! Это место позавчера я всю ночь видел во сне! Меня очень трудно напугать чем-либо, но здесь я ощутил почти суеверный страх.

– Стоп, Толян! Поворачивай! – почти закричал я.

* * *

Через год вездеходчик рассказал мне, что всё-таки проехал через Ледяную и... нашёл там сани с бочками и даже долил в баки бензина из одной.

Мои любезные конфиденцы! Если вы обратили внимание, я выделил в самом начале курсивом словосочетание – «окружающим миром». Дело в том, что нигде при упоминании «места счастья» нет даже малейшего намёка на счастье с близкими людьми, и мои встречи с отшельниками в разных уголках света только укрепили меня в этом.

Бесконечно счастливые (по их уверению) отшельники – всегда одиноки. Они нашли свое место, но не слишком ли высока цена за счастье?

Поэтому никогда не ищите это место!

Ищите счастье в общении с семьёй, детьми, внуками, добрыми и надёжными друзьями!

Берегите их!

БРЕХНЯ!!!

*«Таинственные вещи
ещё нельзя назвать чудесами».*

И.В.Гёте

Полярное лето катилось к концу, и уже никого не могли обмануть ещё по-летнему яркая зелень придолинных лугов и припекающее пригорки уходящее от нас северное солнце, скрывающее грустную усмешку покидающих нас друзей.

Покрывала холодных туманов – предвестников осени – уже заботливо окутывали подножия предгорий, создавая иллюзию висящих в ярко-синем небе остроконечных вершин.

Вода в реках отливала сталью, а летнее белоцветье морошки уже сменилось желто-красным ковром поспевающих ягод.

Наш путь лежал к Пильхинским озёрам. Настроение было прекрасное – в кузове вездехода позвякивал ящик «Каберне», с огромным трудом выбитый по растреклятым талонам в п. Мыс Шмидта, а заботливый вездеходчик Пинтяшин где-то раздобыл пять старых ядерных ящиков – прекрасные дрова для костра.

Вечерело, и самым лучшим местом для ночлега снова было выбрано урочище Ольхон, представляющее собой узкий каньон с почти отвесными стенами, на дне которого отливало тёмной голубизной небольшое, но, как видно, глубокое озеро.

Мы уже останавливались здесь, и именно здесь, на старой могиле шамана, я услышал Плач Тундры.

Костер весело потрескивал, банки с тушенкой опустели, и подогретое у костра «Каберне» располагало к задушевной и долгой беседе.

– Представляешь, Толя, а может, в этом озере живёт душа этого шамана и иногда напоминает о себе. Как думаешь?

– Я думаю, Анатолевич, что тебя немного проделало по дороге, подлей-ка еще себе, да подогрей, и всё пройдет.

Спев, как положено, раз 15 «А утки летят» А. Розенбаума, что при полном отсутствии у Пинтяшина слуха и наличии громкого голоса для неподготовленного человека было бы просто невыносимо, он засобирился спать.

– Ляжем здесь. Смотри, какие звезды, тишина какая, – предложил я.

– А если пойдёт дождь? – усмехнулся он и, пошатываясь, побрёл к вездеходу.

Я залез в кукуль с настроением помечтать, глядя на звездное небо, как вдруг звёзды над моей головой, будто спустившись еще ниже, закружи-

лись в неземном хороводе, и я провалился в глубину сна.

Проснулся я от странного света, пробивающегося сквозь сомкнутые веки, рывком сел и протёр глаза, полагая, что всё это мне снится.

В небе на другой стороне озера висел, именно висел, громадный, полупрозрачный розовый шар, наполняя каньон призрачным зеленоватым светом, заметно меняющим свою интенсивность.

С граничащим со страхом удивлением я увидел, что в озере шар отражается в виде зеленоватых колец разной конфигурации!!! Справившись с оцепенением, я бросился к вездеходу.

– Вставай! Вставай немедленно! Смотри!!! – трясся изо всех сил Пинтяшина, кричал я.

Еле открыв красные от недосыпа и усталости (10 часов за рычагами) глаза, в которых ещё всю бродил хмель, он не мигая смотрел на озеро примерно секунд 15, после чего, махнув рукой, пробормотал: «Брехня!» и, уронив голову, опять крепко заснул.

К этому времени шар начал медленно подниматься вверх, растворяясь во внезапно появившемся облаке, края которого были окрашены в тот же зеленоватый цвет, и вскоре в кромешной тьме вернувшейся ночи уже ничего не напоминало о случившемся.

– Ты что, ещё пил один? Там три бутылки оставались... – прервал утром мой горячий рассказ Пинтяшин с явным недоверием.

Убедившись, что всё на месте, он покрутил головой.

– Брехня, Анатолевич, приснилось тебе!

Уже зимой я спросил у Саши Кейсеутегина, не видел ли он такое?

– Это такая красная большая луна, да, Володя? И свет ещё зеленый?

Оказалось, что он видел это много раз, всегда ранней осенью и в безлунную ночь и чаще всего возле озера Рымырыннат. Как выяснилось, это чукотское название урочища Ольхон, а в переводе: рассеченный утёс.

Впоследствии я много раз рассказывал эту историю полярникам и даже нескольким довольно известным ученым. Все сходились во мнении, что мне удалось наблюдать довольно редкий случай рефракции света, связанный с отражением солнца от полярных льдов и приводящий иногда к появлению так называемых «солнечных столбов».

Может быть, может быть...

Только вот никто так и не смог объяснить природе зеленоватого сияния...

ЗВУК

*«Кажущееся нам неизвестным
нередко ведёт нас к страху
и вере в чудеса».*

Цицерон

Во время моих порой весьма продолжительных поездок по Тундре, сравнимых всякий раз с путешествиями и непременно сопровождаемых различного рода приключениями, мне всегда хотелось посмотреть реликтовый лес в долине реки Чаантальвыргын.

Сведения о нём (при полном отсутствии интернета в то время) были скудными и отрывочными, одна на топокартах (ещё Генштаба) были точные координаты и размеры.

И вот случай представился. Инспектируя золоторудное проявление Ураганное, мы оказались в одном дне пути от объекта моих мечтаний, и я ни секунды не колебался.

На следующий день, ближе к вечеру, мы наконец его увидели.

Лес открылся с пригорка внезапно, будто картина, нарисованная широкими мазками, во всей осенней красе. Узкие желто-зеленые листья чозений трепетали от едва заметного ветерка, как перья диковинных птиц, золото листьев, медленно падающих с тополей, оттеняло пестроту буйного подлеска, обильно окровавленного гроздьями красной смородины.

Собрав кучу сухих дров, мы решили обследовать лес с утра и вскоре, примостившись возле костра, с наслаждением пили чай, заваренный со смородиной и брусникой.

А между тем день угасал. В недрах остывающих облаков медленно растаяли воспоминания об уходящем солнце, примолкли, словно огорченные дети, птицы, встретившие нас ранее весёлым щебетаньем, и только унылый крик гагары с дальнего озера ещё нарушал тишину.

Скоро совсем стемнело, и картина изменилась.

Лес, ещё недавно радующий глаз, вдруг стал тёмным и неприветливым, чёрной непроницаемой стеной закрывая долину, и только самые верхушки деревьев слабо освещались молодым месяцем, старающимся подняться из-за горной цепи, еще просматривающейся на фоне с каждой минутой темнеющего неба.

«В сущности, мы – дети Света», – вдруг подумал я.

Мы любим свет. Солнечными днями мы счастливы, когда нас окружают зелёные леса, просто-

ры степей и Тундры, наш глаз радуют величественные горы со снежными шапками, разливы рек и морской прибой, но во мраке ночи как часто мы кажемся себе слабыми и беззащитными, словно маленькие дети в пустом заброшенном доме. Я нередко встречал людей, которые по роду профессии большую часть жизни провели среди живой природы и, тем не менее, никогда (!) в одиночку не ночевали в лесу, тундре, горах.

Не правда ли, странно...

Мои, как мне казалось, глубокие философские размышления прервало легкое похрапывание – Пинтяшин, видимо, уже давно спал, подсунув под голову рюкзак.

И тут я услышал Звук! Звук, заставивший вскопиться Пинтяшина и внезапным ледяным холодом обдавший спину!

Звук был не похож на все звуки, которые мы слышали до этого. Это не был крик боли или отчаяния, не угрожающе-яростный рёв хищника. Начинающийся с низких до хрипоты нот, он достигал своей высоты, как торжествующе-победный зов, напоминая неумелого трубача, изо всех сил пытающегося воспроизвести мелодию, лишённую всякой гармонии.

Самое необычное было в том, что звук не раздавался из глубины леса, погруженного теперь уже в откровенно враждебный мрак, а как бы шел откуда-то сверху, накрывая долину и отражаясь от стенок каньонов.

Холодея от страха, да, дорогой читатель, от страха, мы насчитали три звука-зова, после чего наступила звенящая тишина, прерываемая лишь потрескиванием сучьев в костре.

Не сомкнув глаз, мы еле-еле дождались расвета и уехали.

Много лет спустя, будучи в Африке, я услышал этот Звук – трубный зов африканского слона!!!

Единственное более-менее разумное объяснение тому, что произошло с нами – это встреча с аномальной зоной слышимости – так в акустике называются возникающие спонтанно во времени и пространстве зоны, могущие передавать звук на тысячи километров.

Вместо послесловия.

Реликтовый лес – это Телекайская роща, и читатель легко найдёт о ней всю информацию.

И ещё – не люблю слонов!

ФАТА МОРГАНА?

«Фата Моргана – редко встречающееся сложное оптическое явление в атмосфере, состоящее из нескольких форм миражей».

Википедия

Случай этот произошёл со мной и верным Пинтяшиным в конце лета 1988 года на озере Эльгыгыткин, куда мы доставили экспедицию журнала «Турист» под руководством Н.М.Тарасова для сплава до города Анадыря.

* * *

Экспедиция уплыла вниз по реке Энмываам два дня назад, а мы задержались половить рыбу и похлепать ухи.

Но, как известно из Книги Судеб, всему хорошему когда-нибудь приходит конец, и рано утром, с сожалением покинув гостеприимный дом, мы собрались в обратный путь.

Это было чудесное утро, которое, к сожалению, редко бывает ранней осенью.

Холодный сапфир неба, казалось, растворялся в прозрачной глади тёмно-синего озера, создавая полную иллюзию отражения воды в небе. Над головой пронеслась стайка молодых уток, пробувающих крыло, и слегка разорвал тишину скрипучий крик куропача.

И вдруг картина резко изменилась.

Я уже писал о туманах в районе озера, но этот туман был совершенно не похож на другие.

Не молочный, как обычно, а какой-то очень густой, грязно-серый и, казалось, липкий на ощупь, он возник как бы из ниоткуда, почти мгновенно превратив ясное утро в сумеречный вечер.

Сколько прошло времени – трудно сказать, но внезапно в направлении озера (как нам показалось обоим) открылось подобие окна с размытыми краями, в котором мы увидели наш дом, вездеход и группу людей – участников экспедиции, покинувших нас два дня назад!!!

Изображение было чёрно-белым, зеркальным и перевёрнутым с ног на голову, но, несмотря на это и некоторую нечёткость, можно было рассмотреть даже мелкие детали...

Картина начала тускнеть, расплываться и вскоре исчезла совсем, а за ней в течение нескольких минут исчез туман и, словно с поднятием занавеса, засияло солнце, еле слышно защебетали невидимые пучки – верные предвестники холодов, словом, жизнь без необъяснимых явлений продолжилась.

Специалисты, которые пытались объяснить это

явление, обрушивали на меня поток информации, так же понятный мне, как язык индейцев племени сиу.

Чего стоили, например, такие объяснения:

– Остаточная интерференционная дифракция света, связанная с неоднородной поляризацией верхних слоёв атмосферы...

И даже:

– Частичная или полная абберрация зрения при абстинентном (похмельном) синдроме!

Что, у обоих сразу, что ли?

А может – Фата-Моргана? А вдруг?

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ МИР

Эту историю рассказал мне бывший сотрудник ЭГП Северо-Чукотской Экспедиции – Вячеслав Ямпольский – ныне заместитель начальника Департамента недропользования по Чукотскому национальному округу.

Произошла она совсем недавно, а именно 26.01.2020 года.

Для лучшего восприятия позвольте мне рассказать эту историю от лица непосредственного её участника, по возможности в авторском изложении.

Итак. Заснеженная долина реки Танюрер, известной тем, что в приустьевой её части располагался аэродром для снабжения СССР по ленд-лизу с территории США во время Второй мировой войны и просуществовавший до середины 60-х.

Зима была необычайно снежной – прибрежные кусты едва виднелись из-под сугробов, порой скрывая истинное направление русла реки.

Мы, это я и верный спутник – Михалыч, мой постоянный водитель, на двух снегоходах, загрузив всё необходимое в неоднократно проверенные нарты, выехали в поисках забредавших сюда с юга лосей.

Местность в общих чертах была нам известна, поэтому выехали часа в 4, когда уже почти стемнело.

Ехать было легко – наст был практически без застругов (наддувов от ветра) – извечных врагов зимних путешествий. Дальний свет фар высвечивал изредка вспугнутых куропаток и одиножды блеснувшие зелёным глаза лисы.

Примерно на середине пути мотор моего снегохода зачихал, и он, распространяя резкий запах бензина, проехав по инерции несколько метров, встал. Причина поломки нашлась быстро – прохудилась прокладка карбюратора – пустяковое, казалось бы, дело, но обернулось оно большой проблемой...

Безуспешно проковырявшись часов до трёх ночи, Михалыч предложил на одном исправном

снегоходе доехать до перевалочной базы, на которой он бывал ранее. По его словам, до базы оставалось километров 35-40.

Перевалочные базы сегодня – это остатки тех факторий, о которых я писал ранее, брошенные базы геологов и даже одинокие балки, оставленные буровыми бригадами.

Как правило, это один-два пригодных для жилья дома, 2-3 полуразрушенных сарая, запас угля, бензина и кучи всякой бессистемной рухляди, в которой часто можно найти весьма нужные вещи и даже в неплохой сохранности.

До перевалки оставалось совсем немного, когда снегоход, в буквальном смысле этого слова, утонул в несслежавшей толще снега при переезде через полностью заметённый глубокий ручей.

Решили отцепить нарты, и Михалыч поехал вперёд – поискать и протоптать дорогу. Было около пяти часов утра. Я лёг на нарты и, глядя на подмигивающие мне и что-то шепчущие звёзды, боролся с накаывающей сизой дремой, из которой меня вывел истошный крик Михалыча.

Проехав метров 400, он попытался с ходу выскочить на берег ручья, снегоход перевернулся и придавил ему ногу. Я быстро поднялся с нарт и слева, менее чем в километре, увидел ярко освещенный двухэтажный дом, возле которого стоял вездеход, ходили люди и еще один снегоход с зажженными фарами, явно направляющийся в нашу сторону.

Почти ползком я добрался до Михалыча, который продолжал кричать, и успокоил его, сказав, что перевалка рядом и что к нам уже едут на снегоходе, причем звук был очень хорошо слышен.

Минут через десять стало тихо. Подождав еще минут десять, проклиная всё на свете, начал откапывать Михалыча.

Через полчаса мы подъехали к перевалке. База, точно такая, как я её видел – двухэтажный дом, сарай – стояла почти занесенная снегом, пустая и промерзшая, без всяких признаков присутствия людей и техники. Более того, никаких следов, кроме лисьих, на снегу не было!!!

РЭЖЬ! РЭЖЬ, ВОЛОДЯ!

«Лошади умеют плавать...

Но нехорошо. Недалеко».

Б.Слуцкий

«Куда ни бросишь взгляд –

Бегущая вода да серый небосвод».

В. Турьянский

Перегон лошадей! Звучит весьма романтично, и у большинства людей, как правило, малознакомых с этим, ассоциируется с бескрайними степями, табу-

нами, загорелыми наездниками, с продубленными степным солнцем и ветром лицами, сидящими в седле «как влитые» и ловко бросающими арканы...

Так примерно представлял это и я – студент, проходивший преддипломную практику в бассейне среднего течения реки Кувет (Центральная Чукотка).

За период практики (шлиховое опробование водотоков) я научился довольно ловко обращаться с покладистой и безропотной (хотя ещё не старой) кобылой по прозвищу Тёща и гордился тем, что мог небрежно употребить в разговоре: «подпруга, недоуздок, потник». Поэтому на показавшийся мне довольно невинным вопрос начальника партии по поводу умения обращаться с лошадьми не без оттенка хвастовства ответил, что не хуже каюра. Он как будто ждал этого ответа и без обиняков объявил, что мне поручено ответственнейшее задание – помочь каюру в перегоне лошадей на базу-конюшню.

Наш каюр – Сослан Удугов был, скорее всего, чеченец, хотя даже за то время, что я его знал, он успел побывать осетином, дагестанцем и ингушом, обладая крайне примечательной внешностью.

На сухом, жилистом, без единой жиринки, теле, почти прямо на плечах была посажена крупная, хорошо вылепленная голова с голым черепом и окладистой черной бородой, при улыбке обнажающей кипенно-белые зубы с поистине волчьим оскалом.

При волнении его большие чёрные глаза под кустистыми бровями начинали бешено вращаться, что при внезапной желтизне белков наводило оторопь даже на выдавших виды собеседников.

Лошадей он знал как никто другой и по-своему любил, часто разговаривая с ними на непонятном для нас языке, и они отвечали ему удивительной для многих привязанностью, выказывая её при любом удобном случае.

Я сумел заслужить у него что-то вроде уважения тем, что у моей Тёщи при придирчивом осмотре он не нашел признаков потёртости спины и что при потере подковы я немедленно привёл её на базу, избегая каменистых осыпей.

«Якши, якши», – гортанно проговорил он, узнав, что я назначен ему в помощники.

Два дня пролетело в сборах: проверке сёдел, вьючных сум, продуктов на неделю и т.д.

Наконец ранним сентябрьским утром, простившись с вечера со всеми сотрудниками партии, к подавляющему большинству которых я успел по-настоящему привязаться, мы двинулись в далёкий, безвестный мне путь. Мы – это шесть лошадей, ведомых мерином по кличке Букет, с неправдоподобно голубыми глазами навывкате, и сопровождающие их лица – Сослан и я.

Утро было свежее, с ярко-синим, именно синим,

осенним небом. Внезапно прорезавший облако первый луч солнца окрасил всё вокруг нежным светом, подчеркнув черноту каменных медальонов на фоне яркой палитры осенней тундры с преобладанием ярко-оранжевых и малиновых цветов. Слева возвышались кекуры гранитоидов Пырканаянского массива, напоминающие развалины сказочного дворца великанов, величественное безмолвие которых нарушал лишь пронзительный крик кружащего над ними северного кречета.

К вечеру мы прошли половину пути до переправы на реке Пегтымель и остановились на ночлег.

Спутав лошадей и путив их еще по-летнему зелёной луговой траве, поставили двухместную палатку, сварили двух застреленных в дороге уток, вскипятили чай, и вскоре из палатки уже раздавался заливиственный храп Сослана. Я решил ещё посидеть у тлеющего костерка, подбросил сухих кустов чозении и, глядя на меняющееся пламя, задумался о скором прощании с Территорией, встрече с однокурсниками. Вдруг впервые я ощутил правильность моего выбора профессии.

За размышлениями я как-то не заметил, что со стороны реки уже вплотную подступили тёмные тени – предвестники Ночи, закрывающие луга и силуэты лошадей, и сквозь её распахнутые черные крылья пробившийся лунный свет заключил многочисленные рукава реки в свои серебристые объятия. Вскоре луна зашла, оставив меня наедине со звёздами, вызывающими с раннего детства у меня благоговейный трепет, и сейчас они – удивительные, до неприличности яркие, над самой моей головой навеяли мне глубокий сон, перешёптываясь между собой, доверяя друг другу тайны, недоступные нам для понимания.

Я тогда не знал, да и не мог знать, что пройдёт много лет и среди множества встреч, событий, городов и стран я буду вновь и вновь в моей памяти возвращаться в эту удивительную ночь как к незримому реперу моей судьбы.

Утро выдалось холодным с нависающими гроздьями туманов, несущими смутное, ничем пока необъяснимое предчувствие чего-то нехорошего, казалось, даже осязаемого лошадьми.

К обеду подул колючий ветер, сменившийся через час морозящим ледяным дождём.

«Яман, Володя, Яман! – с тревогой в голосе прокричал мне Сослан. – Быстрее надо, быстрее!!!»

Лошади шли медленно, часто останавливаясь, фыркая, иногда с каким-то тоскливым ржанием, и к Пегтымелю мы подошли, когда уже почти стемнело.

Костер развести не удалось, промокшие, злые, перекусив всухомятку, легли спать, быстро согревшись в кукулях.

Утром по-прежнему шёл дождь, не прибавляя ни настроения, ни уверенности в сегодняшнем дне.

Подойдя к косому перекаату – единственному на много километров возможному месту переправы, мы с тревогой увидели, что он еле просматривается сквозь толщу мутно-серой стремительно бегущей воды.

– Может, переждём, когда вода спадёт? – неуверенно спросил я.

– Ты знаешь, когда она спадёт? Можэт, тэбе луна ночью говорил, а? – с ярко выраженным акцентом, вращая глазами, заговорил Сослан. – Переходить надо сейчас прямо.

По его указанию мы перевьючили лошадей. На Букета погрузили два кукуля, палатку, мой рюкзак и мешок Сослана, на Тёщу – продукты, посуду и НЗ для лошадей – чуть больше полмешка овса. Я перекинул через плечо старенькую двустволку, проверил подсумок с 10-ю патронами и, подумав, сунул в карман еще три патрона с картечью.

Лошади упирались, но благодаря усилиям Сослана и Букета, которого он яростно тянул за повод, всё-таки осторожно вступили на перекаат. От ледяной воды, доходящей до пояса, буквально перехватило дыхание. «Ничего, ничего, – бормотал я про себя, – вот переправимся – а там!..»

Мы уже почти прошли перекаат, когда случилось непоправимое. Букет, шагнув в сторону, видимо, ступил в яму и мгновенно скрылся под водой, вынырнув с диким ржанием уже в нескольких метрах от перекаата. Дальше все происходило как в замедленном кино – несущаяся вода, заливающая лицо, сбившиеся в беспорядочную кучу плывущие лошади, безумные глаза что-то кричащего на своем языке Сослана...

Вдруг я увидел, что Букет изо всех сил пытается удержаться на поверхности, но намокшие спальные мешки тянут его вниз – и в руке по-прежнему дико орущего Сослана блеснул нож, с которым он никогда не расставался. Взмах – и освобожденный от ноши Букет с призывным ржанием потянул лошадей к заветному берегу. Тёща – моя верная кобылка – тоже изо всех сил пыталась плыть с вьюками, но заметно теряла силы.

– Рэжь, рэжь! Рэжь, Володя!!! – кричал Сослан. – Рэжь!

Я, подбравшись к Тёще, перерезал подпругу, и лошадь, как мне показалось, с благодарным ржанием вслед за остальными устремилась к берегу.

Метров через 500 нам удалось выбраться на сравнительно отлогий, поросший чахлым кустарником берег.

– Якши, Володя, якши, – приговаривал Сослан и вдруг, обнажив в дьявольской улыбке крупные

белые зубы, тихо сказал, – а плавать-то я совсем не умею.

Дул пробирающий до костей холодный ветер, заставляя крупной дрожью дрожать нас и лошадей.

– Не стой, Володя, не стой, как я делаю! – и он начал резать ножом траву и её пучками растирать притихших и понурых лошадей. – До фактории километра три – идти быстро надо, мы согреемся – лошади согреются.

Меньше чем через час мы уже стояли у дверей фактории. От лошадей валил пар, да и от нас, наверное, тоже. На фактории не было никого, было холодно и неуютно.

«Печку топи, Володя. Быстро печку топи», – собирая старые оленин шкуры, какие-то ремни, обрывки веревок, бормотал Сослан.

Выйдя за углём, я оторопело увидел, что все лошади накрыты шкурами, стянутыми ремнями, и Сослан тянет их на зазывно зеленеющую луговину справа от фактории. В который раз я поразился, что в первую очередь он думал о лошадях.

Вскоре, сидя в одних трусах возле печки и развесив мокрую одежду, мы, так сказать, подвели итоги, весьма и весьма неутешительные для нас. До базы-конюшни оставалось, по словам Сослана, километров 100 или минимум 4 дня пути по тундре. Мы остались без сменной одежды, спальных мешков, палатки, всех продуктов, посуды – всё это унесла река. На дверях склада, за счет которого мы рассчитывали поправить положение, висело два огромных замка, ключи от которых мы безуспешно пытались отыскать, обшарив все углы. В самом помещении мы обнаружили 15 коробок спичек, начатую пачку сахара, жестяную банку с чаем, изрядно попорченную мышами пачку галет и две пачки соли. Правда, у нас еще оставалась моя двустволка, 13 аккуратно высушенных патрона и два ножа.

Незаметно наступил вечер, и, выпив невероятное количество чая, мы забылись тревожным сном, где бушевала серая бегущая вода, мелькал оскал лошадиных морд и раздавались крики: «Рэжь! Рэжь, Володя!»

Рано утром мы двинулись дальше. На спине Тёщи были увязаны четыре наименее вонючие оленин шкуры (одну под себя – другой накрыться), кастрюля с оторванной ручкой, две с большим трудом отчищенные кружки с отбитой эмалью и чайник.

Не буду утомлять вас, дорогой читатель, описанием последнего перехода, так как ничего примечательного не произошло. Стоит только отметить, что наш рацион состоял исключительно из вареных грибов и чая, да ещё на второй день Сослану удалось поймать в ручье руками крупного хариуса.

Мне не пришлось ни разу выстрелить – тундра

точно вымерла. На пятый день, еле передвигая ноги, мы добрались до Паляваамской базы, состоящей из двух домов и длинного здания конюшни.

И тут неожиданно я увидел вертолёт Ми-4, от которого странной подпрыгивающей походкой быстро направлялся к нам невысокий человек, весьма непрезентабельно одетый. Не доходя несколько метров до нас, не обращая внимания на меня, он закричал: «Сослан, мать твою! Где тебя черти носили? Ты когда должен был прийти? Когда? Я тебя, твою мать, спрашиваю?»

Белки глаз Сослана не только начали желтеть, но и покрылись кровавыми прожилками. Подступив почти вплотную к человеку и бешено вращая черными глазами, он придушенным голосом зашипел: «Константиныч, ты там был? Там такие горы! Казбэк знаешь? 10 раз выше!!! А рэка? Тэрэк – знаешь? – тот оторопело кивнул. – 10 раз шире!»

Человечек примирительно махнул рукой: «Да ладно, ладно, я так... А это что за чучело с тобой ещё? Что-то не припомню...»

«Чучело» со слипшимися грязными волосами, в невероятно грязной одежде, покрытой клочками вонючего оленьего волоса, прохрипело: «Студент я, практикант».

Сослан, положив мне руку на плечо и уже заметно успокоившись, веско произнёс: «Человек бюджет, Константинович...»

Впоследствии я узнал, что это была высшая похвала Территории.

– Давай быстро в вертолёт, студент, домой летим, когда будет следующий... Может, дней через 10, – бросил мне на ходу человечек. Мы крепко обнялись с Сосланом, и, повинувшись внезапному порыву, я подбежал к Тёще, обнял её за морду, и она потянулась ко мне бархатными губами, будто прощаясь. В глазах нестерпимо защипало, и, чтобы скрыть набежавшие слёзы, я нагнулся поправить выбившиеся из сапог потерявшие цвет брюки.

Уже в Певеке я узнал, что случай свёл меня с легендарным Львом Константиновичем Хрузовым – другом О. Куваева, соратником Будды (Чемоданова) – последним хранителем традиций Территории и одним из творцов её истории.

Вместо послесловия

Ровно через 10 лет я стоял напротив косога переката, да-да, того самого переката, и из толщи бегущей воды вдруг явственно проступили оскаленные морды лошадей, безумные глаза Сослана, конский храп и еле различимый крик: «Рэжь! Рэжь, Володя!»

Ещё через два года я случайно узнал, что Сослан утонул при переправе через реку Энмываам, спасая жеребёнка. Он совсем не умел плавать...

ОКО ГОСУДАРЕВО

«Да уж, смеркнулось...»

А. Степанов – инспектор РГТИ

Хочу рассказать вам о грозном и всемогущем проверяюще-надзирающем органе горно-технической инспекции – РГТИ (Око Государево, как они любили себя называть).

Как вы знаете, уважаемый читатель, ни одно производство не обходится в той или иной мере без нарушений массы инструкций, циркуляров и других документов, регламентирующих работу предприятия.

Будучи абсолютно согласен с утверждением, что все правила техники безопасности написаны кровью, тем не менее смею утверждать, что очень часто сталкивался со своеобразным «эффектом привыкания», когда, на первый взгляд, незначительные и малозначимые нарушения просто перестают восприниматься как таковые.

Так вот, при желании, плохом настроении и просто из вредности РГТИ могло использовать любое нарушение для приостановки производства (буровых, горных и других работ), поэтому каждый их приезд в Посёлок воспринимался (без паники, конечно) как событие, близкое к стихийному бедствию.

Итак, был месяц март.

Я всегда любил, да и сейчас люблю в весне именно март.

Март на Территории – это даже ещё не ранняя весна с её безотчётным томлением и светлой грустью по медленно умирающему и теряющему вследствие этого свою непорочную белизну снегу. По выраженной степени недосказанности и смутной неопределённости март можно сравнить с женщиной, которую вы так долго искали и, кажется, наконец встретили, но, сохраняя робкую надежду на взаимность, совсем не уверены в этом.

Она то призывно взмахнёт ресницами, даря вам долгожданную надежду, то обдаст ледяным холодом, проходя мимо, как будто не замечая вас. Нет, это не расчётливое кокетство ветреницы, скорее это боязнь ошибиться в пробуждающемся чувстве и безмолвная просьба подождать... не торопить её.

Именно в конце марта главный инженер в своём кабинете представил меня высокому плотному мужчине в очках лет 50, с сурово-неприветливым лицом, одетому в меховой кожаный реглан.

«Володя, вот Борис Павлович имеет немного свободного времени и хочет порыбачить. Но так, чтобы ловилось... Ты подбери место, ну и прочее там...»

Мужчина этот был не кто иной, как Борис Павлович Енбеков – глава РГТИ и гроза всех предприятий района, славящийся своей непреклонностью, крутизной нрава и непредсказуемостью решений.

Мы почти подружались, готовясь к рыбалке, сохраняя при этом необходимую в таких случаях дистанцию.

Вечером я с Сергеичем допоздна утрясал детали поездки.

«Володя, ты смотри не подкачай, сам понимаешь, не маленький. Он, брат, таких дел может наворотить – мало никому не покажется. Никого не бери и лишнего не болтай».

Всё было понятно (не впервой), да вот только Пинтяшин (мой надёжный вездеходчик) был в отпуске и ехать предстояло на вездеходе Васи Табакова.

О Васе и его вездеходе ходили такие небывлицы, в которые я не верил, пока собственными глазами не увидел бензонасос, подвязанный грязным нейлоновым носком!

Сергеич попытался развеять мои сомнения, сказав, что вездеход будут всю ночь готовить два механика, а вездеходчика он запугал увольнением, если что не так.

Договорились ехать на Альяквуньские озёра по следующим причинам – первая и самая главная, что там пару раз был Вася. Вторая, там был довольно сносный балок с печкой, и третья, что рыба (мальма – ручьевая форель) сейчас там ловилась хорошо.

Далее Сергеич заверил меня, что дрова, спальные мешки, продукты, посуда и рация уже загружены в вездеход.

Выехали рано, затемно. Видимо, посоветовавшись с Сергеичем, Борис Павлович уступил мне место в кабине. Доехали без приключений, остановившись один раз, послушали шёпот звезд на угольно-чёрном небе – верный признак сильного мороза.

Я предложил доехать до балка, который был хорошо виден километрах в трёх, разгрузиться, перекусить и вернуться для рыбалки.

Осмотрев балок, я обнаружил отсутствие столлика и двух досок на двухъярусных нарах, видимо использованных в качестве дров, но зато под нарами – половину оленьей туши!

Встревоженный молчанием, я вышел из балка и... я ещё долго вспоминал эту картину!

Служитель Ока Государева в полной растерянности, близкой к ступору, стоял возле кучи дров, спальных мешков, ватников, валенок и ватных брюк. Чуть в сторонке стоял ящик водки, на горлышки бутылок были аккуратно надеты четыре гранёные стопочки. И всё! Продукты, посуда, ра-

ция (как выяснилось потом, упакованные в четыре ящика) остались в диспетчерской!

Из оцепенения всех вывел голос Васи:

– Мне кажется, что продуктов нет!

– Для простого вездеходчика – ну просто удивительно догадлив! – пробасил Борис Павлович.

И вдруг по блеснувшему солнечному зайчику на стекле очков я с удивлением увидел, что эта ситуация – не то чтобы ему нравится, а как-то забавляет, что ли...

– Я так понимаю, Кондрат (фамилия главного инженера была Кондратенко) это всё нарочно устроил, да, Володя? Проверить РГТИ на выживаемость в условиях зимней тундры, так сказать... Ну, в темпе переодеваемся, по стопке и рыбачить! Зря, что ли, в эту даль забрались. И что у нас с закуской? – и он извлёк из портфеля (понятно, зачем он его взял с собой) палку колбасы, баночку шпрот, пачку индийского чая и бутылку коньяка «Плиска»!

У нас с Николаичем тоже кое-что нашлось, негусто, правда, но зато целая буханка хлеба. У Васи из припасов была только слегка погнутая и неизменно грязная ложка!

– У вас и этого нет, – обиделся он на наши беззлые насмешки.

Стопочка еще больше подняла настроение, и с веселыми шутками отправились к месту рыбалки.

Знали бы мы, что нас ждёт, шуток, я думаю, прибавилось бы...

Было очень тихо. Снег нестерпимо блестел под лучами трёх солнц – двух ложных, что наблюдается только при сильном морозе. А мороз и в самом деле был сильный, превратив «Плиску» в густую жидкость цвета кофе с молоком.

Зато рыба ловилась... Ни до, ни после я не припомню такого зимнего клева!

Я увидел, что Борис Павлович сгребает со льда рыбу в кучу голыми руками цвета варёных раков, и понял, что стало ещё холоднее.

– Ну, почин добёр, добёр! Поехали отдыхать! – скомандовал Борис Павлович.

Весело трещащий огонь в печке, отдававшей тепло, озарял часть балка причудливо меняющимися светом и густыми тенями, и вдруг я снова ощутил неровное дыхание времени, уносящее в небытие этот летящий в бескрайнюю ночь одинокий балок на краю света в чудовищно несправедливой неповторимости всего происходящего с нами.

– Принеси-ка переноску, Вася!

– Сейчас... – неохотно пробурчал тот.

Ярко вспыхнув на миг, переноска погасла.

– Лампочка, наверное, перегорела, – неуверенно сказал Вася.

– Ну, так замени!

– Так у меня больше нету!

– Ну всё, тогда – глуши мотор! – и после скудного ужина со стопочкой стали ложиться спать.

– Я вот в книжке читал, что чай можно жевать! – неуверенно из спального мешка просипел Вася.

– А я вот думаю, что вездеходчикам вообще вредно книжки читать, – прогудел Борис Павлович.

Воцарилась тишина, прерываемая лишь слабым потрескиванием дров в печке.

Я, по обыкновению, не мог уснуть. Мысли мои вновь и вновь возвращались к Борису Павловичу, чуть слышно похрапывающему в спальном мешке. За сутки, проведённые вместе, я увидел его другим, совершенно несхожим с его образом и репутацией, созданными годами нелёгкой службы.

И вдруг я понял – он просто на это время сбросил надоевшую маску, да, именно маску, одну из их великого множества... Ведь согласно бессмертной фразе В.Шекспира, в каждом из нас до самого конца живут десятки и даже сотни людей, маски которых мы меняем сообразно обстоятельствам. Заранее соглашусь с тем, что у многих людей эти маски (или большая их часть) всю жизнь пролежали, засыпанные нафталином, в наглухо закрытых сундуках памяти. Более того, я знаю людей, которые, надев маску, сохраняли один образ всю жизнь и, гордясь, не раз ставили это в пример окружающим!

Позвольте мне не поверить, что им ни разу в жизни не хотелось хоть на миг сменить маску на полный тайн, великих и малых соблазнов и увлечений карнавале, именуемом – Жизнь.

Шатобриан – злейший и непримиримый враг Наполеона, пишет, что из переданной ему рукописи с острова Святой Елены сквозь маску Императора, описания побед и сравнения себя с Александром Македонским явственно проступает счастливая, глубоко ранимая душа нищего студента Парижской военной академии.

Так был ли Борис Павлович самим собой в эту поездку? Кто знает...

А вы, мои любезные конфиденты, сколько масок сменили вы? Когда вы были сами собой?

– Заводи, Вася, порыбачим ещё по дороге и домой. – Рано утром после стопочки под мороженую оленину бодро прокричал Борис Павлович.

– Заводи, заводи... у меня же не антифриз, а воду я с вечера слил!

– И что теперь?

– Сейчас нагреем воды – делов-то на копейку!

Он набил в грязнейшее ведро снегу и поставил на печку.

– Этак мы за три дня не нагреем – костёр разводи, – взял всё в свои руки Борис Павлович.

На вопрос о паяльной лампе Вася беспомощно развёл руками.

А мы с Николаевичем попеременно, до изнеможения пробовали крутить заводную ручку.

Отвлёк нас громкий крик, переходящий в хохот.

Возле костра стоял Борис Павлович, высоко на весу держа ведро, из днища которого струёй лилась вода!

– Ну да, там дырка, я ее всё время пластилином залеплял – холодную воду держит хорошо, я вот думал, не знал, а оно вот... – сбивчиво бормотал Вася.

После безуспешных попыток использовать банку из-под шпрот в качестве заплаты на прогнившее днище ведра тягостное молчание затянулось.

– Гаси костёр, Володя – дрова надо беречь. Сколько до полярников?

– Километров 50, часов десять-двенадцать ходу, да хотя бы часа три-четыре – самую темноту переждать, да пока там... в общем – сутки... Прдержитесь, Борис Павлович? – спросил я.

– Есть другие предложения?

– Ну, тогда время не теряем – я пошёл!

Поправив кухлянку (подарок Саши Кейсеутегина), проверив, на месте ли нож, спички, сунув за пазуху кусок мёрзлой оленины и передав карабин Борису Павловичу (кого бояться в тундре?), я быстро зашагал по подмерзшему за ночь вездеходному следу. Отойдя километра два, с пригорка я увидел балок, вездеход и три фигуры возле него.

Едва повернувшись, услышал раскатистый выстрел, за ним второй и увидел, что люди машут шапками и, по-видимому, что-то кричат.

Почти добежав и еле переводя дух, я, не веря ушам, услышал звук работающего вездехода!!!

Оказывается, Борис Павлович (кто же еще), внезапно осенённый, нагрел на печке остатки водки – 7 бутылок. Прямо в бутылках – до критической температуры. Залил в радиатор, крутанул ручку, и... мотор завёлся!!!

Запах из кабины весьма и весьма напоминал атмосферу разливного цеха ликёро-водочного завода, но это только усиливало царящее веселье.

Часа через два, залив воды в радиатор (разумеется, из ведра с пластилиновой заплатой), мы уже с наслаждением прихлёбывали обжигающе-горячий чай на полярной станции.

На следующий день, ближе к обеду, позвонил Сергеич. В кабинете стоял одетый в свой реглан Борис Павлович с тем же начальственно-барским выражением на лице. «Сменил маску», – подумал я.

– До свидания, Владимир Анатольевич, рад был познакомиться!

Стёкла очков его вдруг блеснули (или мне показалось), и он достал из-за стола... новое оцинкованное ведро!

– Васе передай! Будешь в Певеке – заходи.

Вместо послесловия

Вердикт РГТИ в этот раз был более чем благо-склонен!

□

Владимир Анатольевич ПАХОМОВ

родился 13 апреля 1948 года.

В 1971 году окончил геологический факультет

ДВПИ, г. Владивосток.

С 1971 по 1979 год работал в ПГО «Приморгеология»

в должности геолога, начальника отряда, старшего геолога

по всей территории Приморского края.

С 1979 по 1992 год работал в ПГО «Севостгеология»

на Западной Чукотке и Центральной Колыме

в должности начальника партии,

главного геолога экспедиции.

В 1998 году эмигрировал в США.

В журнале «Север» публикуется впервые.

